

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. Бабаева

Цена бесценности

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Babaeva_Tetr_53.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Светлана Бабаева,
шеф бюро «РИА Новости»
в США

Цена бесценности

Современная Россия за 20 лет постсоветского развития не обрела ответа на вопрос, какой она хочет видеть себя. У нее нет ориентиров и ценностей существования. Такое состояние может длиться долго, но приводит оно, как показывает опыт, либо к социальному потрясению, либо к социальной деградации.

Страна возвышает голос, когда речь заходит о том, какой она хочет, чтобы ее видели другие. Ей не нравится, когда она не нравится другим. Надо, «чтобы уважали», иногда «чтобы боялись», «чтобы считались». Иными словами, России предначертано быть сильным государством, имеющим голос в мировых делах, доминирующим на евразийском пространстве или значительной его части и окруженным поясом дружественных и предсказуемых соседей.

Однако определенные геополитические отношения во многом есть следствие того, как построено государство. Что оно считает непреложными ценностями, какие цели преследует и какими возможностями располагает, что, в свою очередь, отражается на том, какую политику оно проводит вовне и как ее воспринимают другие. Как определял это американский историк Артур Шлезингер, «в каждой фазе внутреннего цикла национальный интерес формулируется согласно присущим этой фазе ценностям. В каждой фазе внешняя политика используется для продвижения этих ценностей за рубеж»*. Соответственно, успешность такой политики зависит и от привлекательности этих ценностей для других.

Таким образом, внутренние ценности первичны. Но именно здесь Россия демонстрирует отсутствие убеждений. Как говорил один из героев Достоевского в романе «Идиот», «богатства больше, но

* Артур М. Шлезингер. Циклы американской истории. Пер. с англ. — М.: «Прогресс-Академия», 1992. — С. 73

силы меньше — связующей мысли не стало». За период, прошедший с момента крушения системы советских приоритетов и ориентиров, Россия не только не сформировала, но даже не подошла к осознанию необходимости формирования структуры норм и моральных установок общества. Возможно, первопричиной является тот факт, что у сегодняшней России нет ответа на вопрос, какой она хочет быть. Вместо этого концентрация происходит на двух составляющих, которые, несомненно, важны, но не могут обеспечить осознанного будущего, поскольку не являются качественным настоящим.

Первый опорный камень национальной идентификации — достижения прошлого. Великая держава,

победившая в самой страшной войне человечества, сделавшая технологический рывок и прорвавшаяся из аграрного состояния в мировые индустриальные лидеры, все эти успехи XX века в настоящее время, как это ни парадоксально, тормозят развитие страны, а не помогают ему.

Постоянная апелляция к достижениям прошлого лишает Россию возможности видеть в реальном свете настоящее, что, в свою очередь, создает расплывчатые представления о будущем, поскольку оно не достигается путем простых экстраполяций свершенного.

Вторая особенность и одновременно трудность идентификации — Россия слишком увлечена процессами, ей недостает видения того, что она хочет получить в итоге. Эти процессы повсеместны, с разной степенью интенсивности и масштабности они запускаются в разных сферах, но не доводятся до стадии получения и осознания результатов с тем, чтобы понять, сколь предпринятое оказалось эффективным, куда двигаться дальше и необходимо ли корректировать последующие шаги.

К примерам такого подхода можно отнести программу борьбы с коррупцией, заявленную больше двух лет назад, но так и не имеющую ни понятных обществу качественных или количественных критериев, ни осязаемых обществом промежуточных результатов. Это и нацпроект «Здоровье», позволивший в период его осуществления построить некое количество медицинских центров и переоборудовать имеющиеся, но так и неизвестно чем закончившийся, поскольку он изначально не обозначал, что нация должна получить на выходе. То ли это рост продолжительности жизни, то ли сокращение смертности от определенных болезней, то ли время подъезда карет «Скорой помощи», то ли наличие врача в радиусе, скажем, 10 километров независимо от того, в какой точке страны проживает пациент.

Часто создается впечатление, что рождающиеся национальные приоритеты носят прямо-таки спазматический характер. Возникла тема здоровья, и все бросились что-то создавать вокруг системы здравоохра-

Постоянная апелляция к достижениям прошлого лишает Россию возможности видеть в реальном свете настоящее, создает расплывчатые представления о будущем

нения, не поменяв саму ее суть, включая главное — доступность и качество услуг. Затем возникла идея построения инновационного общества, которая, что печально, довольно быстро свелась к особому правовому и финансовому режиму для Сколково. Все эти порывы не выглядят ни продуманными, ни качественно проработанными. А главное, не создается ощущения, что они базируются на готовности общества следовать этим порывам.

Оттого заявленное, несомненно, насущное дело выглядит как декларативная программа, задуманная скорее под политические, чем под социальные цели. К таковым начинаниям можно отнести и стройки века в Сочи, и много лет ведущиеся разговоры про необходимость строительства трассы Москва — Петербург, не говоря уже о других ключевых артериях, обеспечивающих единство страны.

Эффективное достижение цели, единолично поставленной сверху, возможно лишь в тоталитарной системе, основанной на страхе невыполнения приказаний. Лишь там достигим, по выражению Гарсиа Маркеса, «прогресс в рамках порядка» («Осень патриарха»), да и то, как показал опыт Северной Кореи, Кубы или Советского Союза, далеко не всегда и не во всем. Такая страна по-прежнему сохраняет отсталую экономику, неэффективную управленческую систему, неуважение к ценности человеческих прав и даже жизни. Современную Россию даже со всеми ее «особостями» никак не отнести к тоталитарной, только осознание насущности задачи значительной и креативной прослойкой общества способно обеспечить ее выполнение.

Формальная, чисто внешняя вовлеченность в программы тысяч чиновников, бизнесменов и менеджеров, миллиардов долларов и тонн бумажных отчетов создает эффект занятости и работы над чем-то чрезвычайно важным. Однако в отсутствие критериев эффективности и понимания, ради чего и кого все это делается, создается скорее впечатление имитации настоящего дела. Кроме того, когда неизвестны цели и границы дозволенного обществом и обществу, невозможно говорить и об инструментах достижения этих целей.

Программы страны должны содержать четкие шаги, понятные средства и иметь ясные промежуточные и конечные критерии, а не расплывчатые лозунги про будущее. Кант называл людей, занятых делом без серьезной цели, «деловитыми тунеядцами»*. Возможно, это слишком жесткое определение, и его уместно дополнить словами из культовой когда-то песни («Скованные одной цепью») группы «Наутилус Помпилиус» про общество, где «можно делать и отсутствие дела», а «мерилом работы считают усталость».

Шаги в пустоте

Почему практически любая инициатива оборачивается либо выхолощенными, либо сильно искаженными результатами по ходу ее претво-

* Иммануил Кант. Лекции по этике. Пер. с нем. — М.: Республика, 2005. — С. 163.

Алан Макколум. Гипсовые суррогаты. 1982-1989

рения в жизнь? Система, формирующая эти приоритеты и определяющая способы их воплощения, не обладает, на мой взгляд, тремя неотъемлемыми свойствами, придающими действиям эффективность, актуальность и ответственность участников.

Первое — отсутствие в обществе осознания необходимости реализации этих действий, их насущности и, соответственно, готовности в них участвовать. Обществу следует понимать, что делается, для чего, что ожидается «на выходе» и когда. И при этом быть не просто вовлеченным в позитивные изменения в качестве пассивного зрителя или бессловесного исполнителя, но формировать их, осознавая такую потребность.

У нас же обществу, напротив, дают понять, что в нем не нуждаются как в активном участнике процесса принятия решений, навязывая то, что на данном этапе решено считать важным. А общество, делая вид, что оно поддерживает заявленное, остается в стороне, предоставляя слою принимающих решения самим разбираться с придуманным. От этого создается ощущение массового одобрения и поддержки, чего на самом деле не происходит, так как подчеркнутое молчание не означает согласия.

Однако общество, как и природа, не терпит пустоты. Оно либо возвращает ситуацию в исходную точку, потому что так ему привычнее, либо старательно обходит воздвигнутые препятствия, все больше ориентируясь на неформальные отношения. В частности, именно такими следствиями оборачивается объявленная президентом рефор-

ма МВД: сама система механически сокращает численность занятых в ней (чтобы через год-два, когда «все забудут о реформе», вернуть все на круги своя), «потребители» же ее услуг платят оставшимся еще больше. А вкуче все оборачивается взаимной обозленностью, потому что, создавая нервозность с обеих сторон, заявленные действия реально не приводят ни к каким изменениям ни в обществе, ни в органах МВД.

И это второе свойство системы — ее нечувствительность к внешним импульсам, указывающим на необходимость исправлений и корректировок. Система изначально создавалась как некий герметичный монолит, не предполагающий проявления инициативы, в результате чего все явственнее высвечивается неспособность нынешней системы к действиям и нежелание осознать, что пассивное одобрение любых действий власти, а чаще — недоверие к ним, приводит в обществе к углублению разрыва между декларациями и реальными делами.

Наконец, система не создала консолидирующих все общество идей. Социум не имеет ни курса, ни ориентиров, ни инструментов корректировки действий и исправления ошибок. Колоссальные с виду усилия оборачиваются ничтожными результатами, порождая отчужденность простых граждан в отношении правящей элиты и накапливая раздражение у политических лидеров, приписывающих неудачи искажению предначертаний, исходящих от властной вертикали.

Порок особости

Оправданием несоответствия усилий получаемым результатам зачастую служат ссылки на «особость» русской души, характера, традиций, а следовательно, и общественно-политического строя. Однако непохожесть на других не может быть целью существования. Как писал Николай Бердяев еще век назад, «отсталость России не есть своеобразие России»*. Так же и сегодня ссылка на особость выглядит скорее именно как оправдание того, что инициативы, вроде назревшие и актуальные, на деле приводят совершенно не к тому эффекту, который ожидался, или не дают эффекта вовсе. Что шаги, казалось бы, очевидные и правильные, оказываются по мере их совершения отнюдь не такими, какими предполагались.

Кроме того, разговоры о непохожести на других не дают понимания, какие же все-таки мы, а главное, какими хотим быть. Мы лишь знаем, что мы особые, но когда доходит до вопроса, в чем эта особость, ответа не находится. По целому ряду объективных и понятных критериев «они» ушли далеко вперед по размеру пенсий, качеству дорог и авто-

* Николай Бердяев. *Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности*. — М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. — С. 58.

мобилей, продолжительности и комфортности жизни и пр. Оттого возникают злость и даже агрессия — где те результаты российской особенности, что заставляли бы ею гордиться? Наоборот, сколько ни показывай по телевизору катастрофы и пожары «там», эти сообщения оказываются все чаще не в состоянии отвлечь от далеко не благополучной ситуации «здесь».

Так трудно обретаемая и столь тщательно поддерживаемая социально-политическая стабильность оказывается не столь уж эффективной, все больше оборачиваясь деградацией управления социально-экономическими процессами. Все последние годы, поддерживаемая бюрократией с ее, по выражению Бер-

*Апелляция к силе, сопряженной
с мифологизированной национальной
«особостью», обнаруживает
несостоятельность, когда дело касается
эффективности компонентов системы*

дяева, «рабской готовностью служить чему угодно»*, она ориентирована на сохранение статус-кво. Ее механизмы не приспособлены к мобилизации общества для осмысленного решения его проблем.

Оказывается, что апелляция к силе, сопряженной с мифологизированной национальной «особостью», обнаруживает несостоятельность, когда дело касается эффективности компонентов системы. Можно красиво ходить с транспарантами, проводить эстафеты, перекрывая главные артерии города, произносить много правильных слов на съездах сторонников и предвкушать чудеса нанотехнологий. Но когда речь идет о тушении выгорающих лесов и поселений, прокладке дорог или привлечении в страну выдающихся молодых специалистов, выясняется, что вертикальная система не обладает способностью гибко реагировать на возникающие в гигантской стране проблемы, а тем более их предвидеть.

Убежденность в своем исключительном праве монополии на разумное управление государством так глубоко укоренилась во власти и в сословиях, близких к ней, что нет никаких возможностей для альтернативных проектов. Механизм саморегулирования в политическую модель не встроен или атрофирован. Такой, например, как политическая конкуренция, которая в других странах даже при отсутствии ярко выраженного партийного плюрализма обеспечивает системе конкурентность и гибкость.

...До тех пор, пока в Японии не произошла смена правящей либерально-демократической партии, доминировавшей с 1955 года, многие в России любили апеллировать именно к этой стране как к примеру многолетнего господства одной правящей силы. Но знают ли они, что в одном и том же округе на выборах жестоко конкурировали между

* Там же, с. 51.

собой несколько представителей этой партии? Что регулярно возникали скандалы с разными партийными деятелями, а население — через протесты — высказывало свое отношение к тем или иным фигурам. Не говоря уже о США, где с момента создания государства не было никакой партийной дисциплины, поскольку народные избранники ориентировались на мнения избирателей и легислатур, от которых были выдвинуты.

Понятно, что любая доминирующая политическая сила вне конкурентной среды стремится выстроить под свои задачи все институты государства и ветви власти — законодательную, исполнительную и судебную, лишая их самостоятельной роли.

Концептуальные основы разделения власти между ее ветвями в США были заложены в результате рассмотрения в Верховном суде знаменитого дела Марбери против Мэдисона*. В конце XIX века англичанин лорд Брайс, анализируя американскую систему правления, констатировал: «Составители американской конституции и вообще американские государственные деятели не придерживались ни одного из общих политических принципов так же твердо, как они придерживались того догмата, что разделение трех властей необходимо для обеспечения свободы» и что «следует считать недействительным всякий акт должностного лица или законодательного собрания, выходящий за пределы их легальной компетенции»**.

...Когда Америка, будучи набором разрозненных британских колоний, вела разговоры о независимости, конвент в Аннаполисе решил внести в повестку обсуждения не только торговые, но и политические вопросы. Джордж Вашингтон, будущий основатель государства и его первый президент, отказался приехать, пояснив, что для политических вопросов время не настало: «Люди еще не доведены до такого состояния, чтобы взяться за преодоление своих ошибок»***. Но прошло несколько лет, и ошибки начали преодолеваются обществом. Отцы-основатели были уверены: лучшее время для закрепления прав — сразу после революции. Затем необходимость обращаться к народу отпадет, «его права буду преданы забвению. Он забудет о своих нуждах и о себе в единственном стремлении делать деньги и не подумает объединиться для обеспечения должного уважения к своим правам»****. Не это ли произошло в России?..

Начальный этап любого грандиозного преобразования базируется на отрицании — изменения происходят потому, что люди больше НЕ

* В заключении по делу председатель Верховного суда США Джон Маршалл сформулировал три принципа конституционного права: во-первых, конституция выше иных законов; во-вторых, Верховный суд должен толковать конституцию и определять, «что гласит закон»; и, в-третьих, Суд отменяет законы, которые, по его мнению, противоречат конституции. (Прим. ред.)

** Джеймс Брайс. Американская республика. Пер. с англ. — М.: Типография В.Ф. Рихтер, 1889. — С. 28–29.

*** В. Печатнов. Гамильтон и Джефферсон. — М.: «Международные отношения», 1984. — С. 60.

**** Там же, с. 109.

*Ева Арнольд. Без названия
(Сильвана Мангано в Музее современного искусства, Нью-Йорк). 1956*

хотят мириться с настоящим, как не желали более американцы нести расходы за британское процветание и соотносить свои экономические действия с Лондоном. Знаменитый лозунг «Никакого налогообложения без представительства» (то есть без участия американцев в делах парламента) привел в итоге к появлению нового государства. Отрицание есть движущая сила любого кардинального изменения. Но уже через несколько лет, собравшись для выработки конституции, отцы-основатели исходили не только из позиции «чтобы не...».

Отрицание должно своевременно быть заменено созиданием. В Штатах был консенсус элит в отношении базовых ценностей и принципов формирования государства, и они не сводились к стремлению удержать власть. Устойчивость институтов и гарантия их неперерождения в авторитарные кланы была важнее действующих фигур, даже и весьма значительных. Этот принцип начал действовать буквально со дня основания нового государства, скажем, когда не произошло избрания на второй срок Джона Адамса или когда конгрессмены — пусть и после мучительных голосований — отдали предпочтение Томасу Джефферсону, а не Аарону Барру, решив, что последний в своих стремлениях и поступках может перейти допустимые нормы.

Консенсус был не только в том, что отцы-основатели знали, чего они не хотят, как это в последнее десятилетие было в России, они знали и то, чего хотят. В этой связи весьма показателен многолетний жестокий

спор Томаса Джефферсона и Александра Гамильтона, ратовавших за принципиально разные экономико-политические модели Америки. Один выступал за богатое аграрное существование, другой за промышленное развитие; один панически опасался любой концентрации власти и денег на федеральном уровне, усматривая в этом первый шаг к лишению прав штатов, другой полагал, что в целом ряде сегментов только федеральная власть способна нести ответственность за всю страну. Но, расходясь в принципиальных позициях управления страной, они были едины в базовых принципах и ценностях.

Ими являлись частная собственность и непреложное уважение к ней; четкость системы кредита и взаимное исполнение обязательств; свобода слова, информации и веры; наконец, равенство всех перед законом, который, в свою очередь, вырабатываясь долгим согласованием, основывается на широком понимании его необходимости и разумности. «Сколько бы ни было разногласий по отдельным вопросам, основные политические течения разделяли веру в право собственности, философию экономического индивидуализма, ценность конкуренции», — отмечал историк Ричард Хофстедтер, оценивая ход политического процесса в США*.

Можно ли сказать, что «отцы-основатели» действующей российской системы имеют четкие и прозрачные принципы, на которых зиждется их мировосприятие и ради которых они даже готовы поступиться собственными должностями? Видим ли мы что-либо за пределами абстрактных призывов к сильному государству, мировому лидерству и модернизационному прорыву? Практика показывает, что российская система, идущая — в силу исторических традиций и национального архетипа — сверху, от элиты, не обладает единством даже в отношении базовых ценностей.

Чего же в этой ситуации требовать от общества, если ему, с одной стороны, перестали диктовать, какие ценности считать подлинными, как было в Советском Союзе, а с другой — не предлагают никакой новой системы ценностных ориентиров? Общество умиротворяют, обещая светлое завтра в публичных выступлениях лидеров, и развлекают, превращая в маргинальную толпу, если судить по телепродукции.

Все подвержено конъюнктуре сегодняшнего дня. В обществе нет согласия по таким базовым понятиям, как частная собственность, свобода слова и выражения, не говоря уже о налогах, тарифах и качестве рабочих мест. В российском обществе нет даже осознания важности этих тем и понимания, почему они столь важны для любой страны. На вопрос, «какие из прав человека, по вашему мнению, наиболее важны», российские респонденты на первое место ставят «право на образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости и при болезни». Право на жизнь занимает третье (!) место; право владеть собственностью — пятое, ценность свободы слова — седьмое. Право

* Ричард Хофстедтер. *Американская политическая традиция и ее создатели*. Пер. с англ. — М.: СП «Квадрат», 1992. — С. 22.

«избирать своих представителей в органы власти» занимает последнее место*.

Никаких ценностей обществу и не прививается. Насколько неприкосновенна частная собственность? Как далеко позволить критиковать власть и обернется это благом или хаосом? Все ли равны перед законом или одни все же равнее? Как защитить слабого, не располагающего ни деньгами, ни влиянием? Наконец, что страшнее — посадить одного невинного или не посадить одного виновного? Именно отношение к подобным проявлениям жизни составляет основу тех систем, которые считаются цивилизованными. Россия, невзирая на все заверения в особости, стремится быть похожей на них, но не желает формировать основы, которые проложат ей этот путь.

Практика показывает, что российская система, идущая – в силу исторических традиций и национального архетипа – сверху, от элиты, не обладает единством даже в отношении базовых ценностей

Оттого программы партий не идут дальше обещаний светлого, стабильного завтра, притом легкого и не требующего непопулярных шагов, а сами лидеры видят свое предназначение в борьбе за голоса, но не за души избирателя. Они не ощущают избирателя, не формируют его и не заинтересованы в его появлении, потому что осознающий свои интересы избиратель будет голосовать не за сакральные символы, а за конкретные цифры налогов, кредитов, протяженность дорог и число детских садов. Как это и происходит в западных демократиях, на которые с таким презрением часто призывают смотреть российских граждан.

Невыносимая стабильность

Помимо морально-нравственного разложения и появления целых поколений «полых людей», выражаясь словами Томаса Элиота, не несущих в себе никаких принципов, что само по себе опасно для любого социума, отсутствие ориентиров несет в себе другие, латентные, но оттого не менее опасные в будущем последствия.

Первое — искаженная реальность. Поскольку система не обладает встроенными или внешними индикаторами для замера своей эффективности, она не может оценить правильность собственных представлений о действительности и перспективе, а следовательно, и действий. Тот факт, что лидеры стали реагировать на блогерские сообщения, ничего не меняет. Даже самый яркий и своевременный ответ не приводит к изменению ситуации, потому что меняется она не мнениями в чатах, а свободными выборами, широкими дискуссиями и опера-

* См.: Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. *Постсоветский человек и гражданское общество*. — М.: Московская школа политических исследований, 2008.

тивной реакцией властей, когда становится очевидно, что предпринимаемые ими шаги неэффективны. Между правом говорить и способностью действовать, оказалось, лежит огромная пропасть.

Это означает, что в долгосрочном плане результаты принимаемых решений могут все более искажаться, а следовательно, оборачиваться все более тяжелыми последствиями для страны. Их можно было бы проигнорировать, переложив на плечи будущего поколения политиков и администраторов, не будь ситуация столь статична, что исключает приход какого-либо нового поколения в обозримой перспективе. Что, следовательно, несет угрозу не будущим деятелям, а настоящим. Второе возможное последствие — непродуктивность энергии общества. Свойства российского народа, описанные Николаем Бердяевым век назад, явственно проступают до сих пор. «Русский народ, — писал философ, — как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства»*.

Эти вековые привычки принято ломать или игнорировать. Но им нельзя и потакать. Их надо направлять через высвобождение позитивной энергии.

Сегодня энергия российского общества направлена по большей части на выживание; она не исчезает вовсе, она либо уходит «в свисток», либо маргинализируется, либо принимает латентные и вместе с тем разрушительные формы. От пьянства до социального равнодушия, от вызывающего гламура до информационного слабоумия, поскольку, увы, лишь так можно оценивать множество телепродуктов.

С таким состоянием сознания и духа населения процветающего государства не построить. Как считают исследователи, заинтересованность человека в качестве общественного развития порождается «владением собственностью, экономическим соперничеством и участием в деловых начинаниях»**. Инициатива и свобода действий, помимо ответственности, порождают требования к социальным структурам, уважение к себе и заинтересованность в понятном будущем, осознанную заинтересованность в его формировании, а не пассивное принятие спущенной сверху неизбежности.

Сегодня же будущее смотрится печальным парадоксом при, казалось бы, полнейшей стабильности и предсказуемости. Никто не уверен, что завтра вдруг внезапно все не кончится, не исчезнут работа, деньги, возможности. Это, в свою очередь, порождает ощущение временщичества, а значит, нужно все успеть сегодня. Все живут или выживают, будто перед Апокалипсисом.

Поскольку в жизни больше имитации деятельности, чем реальных дел, то, как внутри социальных слоев, так и между ними, исчезают последние признаки доверия. На вопрос о доверии к институтам респонденты отвечают, что полное доверие испытывают лишь к президенту (более

* Николай Бердяев. Судьба России, с. 5.

** См.: Дэниел Бурстин. Американцы. Национальный опыт. Пер. с англ. — М.: «Литера», 1993. — С. 248.

Джим Шоу. Предмет воображения (Тиски в форме головы). 2006

двух третей опрошенных). Далее с большим отрывом идут церковь (40 процентов), армия (37 процентов). Всем остальным институтам доверяют менее трети опрошенных; на последних местах — суд, милиция, профсоюзы и политические партии*.

«Люди оценивают человека по двум критериям: полезен и опасен, — полагает социолог Борис Дубин. — Если он не отвечает ни одному из них, интерес к нему мгновенно пропадает». При этом налицо другой парадокс: никому не веря и ничего не ожидая, в том числе от государства, российские граждане год от года укрепляются в убеждении, что государство им «должно». Если в 2007 году таковых было 80 процентов, то в 2008-м уже 82 процента**. О том, что государство должно «устанавливать единые для всех «правила игры», говорят лишь 24 процента опрошенных. Хотя это уже не 19 процентов, что были в 2001 году.

* См.: Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. *Постсоветский человек и гражданское общество*, с. 28–29.

** Там же, с. 27.

Как можно объяснить эти цифры? Очевидно, двойко: с одной стороны, государство действительно «умиротворило» население и убедило не вмешиваться, а ждать, когда государство обо всем позаботится. С другой стороны, эти цифры могут означать, что жизнь людей реально ухудшается или как минимум не меняется к лучшему, на что они надеялись все последние годы, и никакого «достойного уровня существования» нет. Оно остается в пожеланиях, неизбывных мечтах, но не происходит в реальной жизни.

И то, и другое одинаково прискорбно для государства, поскольку налицо увеличивающийся разрыв между реальностью, которую способна обеспечить и поддерживать власть, и ожиданиями, которые она своими же заявлениями во многом порождает. Остается надеяться, что этот лаг не достигнет критических величин, за которыми в России обычно следуют социальные потрясения.

* * *

Граждане вряд ли подойдут в ближайшее время к состоянию, описанному Вашингтоном, то есть к осознанию необходимости исправлять собственные ошибки. Для этого у людей пока нет ни опыта, ни возможностей. Страх 1990-х по-прежнему доминирует в сознании, периодически к тому же умело подпитываясь напоминаниями о «лихом времени», и большинство не хочет возвращаться туда. Следовательно, сохранится социальная летаргия, уныние и неверие в лучшее будущее. Как писал Э. Фромм о группах и обществах, не обладающих возможностью или желанием творить, «в качестве ответной реакции у них развивается апатия и наблюдается такая деградация умственных способностей, инициативности и мастерства, что они постепенно утрачивают способность выполнять функции, необходимые для их правителей»*.

Каждый будет вырабатывать собственные критерии смысла и норм и мотыжить свой «огород». Возникнет, если не иссякнет экономическое благосостояние, еще большее расслоение, а значит, одни слои будут все больше маргинализироваться, а другие все дальше отрываться от понимания российской реальности. Как не знают ее уже сегодня дети тех, кто имеет возможность отправить своих отпрысков за границу.

Другие же, не обладающие такими возможностями, еще более углубятся в свои сугубо частные интересы, как это уже происходит. Блоги будут искрить воплями про власть, беспредел и гламур. Но никакого выхода в реальность это иметь не будет, потому что никому не будет дела друг до друга. Застой и ошибки будут подтачивать систему изнутри и снаружи, но и это состояние она с помощью популистских действий, финансовых средств и профилактики сможет выдержать достаточно долго. Стагнация идей станет очевидной, если не сказать, вызывающей, но этот факт будут тщательно игнорировать, делая вид, что мысль бьет ключом.

* Эрих Фромм. *Здоровое общество. Пер. с нем.* — М.: «АСТ», 2005. — С. 26.